

Политическое участие в странах Европы: общественный контекст и социально-культурные неравенства

Статья посвящена сравнительному исследованию политической активности граждан в странах Европы, выраженности в них политических неравенств и их зависимости от социального контекста. Данные, собранные в Европейском социальном исследовании 2008 г. - репрезентативные национальные опросы, 28 стран, и сведения об экономических, социальных и политических особенностях этих странах, зафиксированные европейской статистикой и научными проектами, анализировались с использованием статистических методов двухуровневого моделирования. Изучавшиеся страны, согласно полученным результатам, очень сильно отличаются по уровню политического участия. Эти различия связаны в первую очередь с показателями развития социального государства, способности

контролировать коррупцию и экономического развития. Политическая активность получает распространение в том случае, когда деятельность властных институтов тесно связана с интересами широких слоев и подотчетна им. Рассматриваются политические неравенства, обусловленные социальным структурированием и современными идеологическими конфликтами в европейских обществах.

Ключевые слова: Политическая активность граждан, социально-культурные неравенства, общественный контекст, страны Европы

Вячеслав Сафронов

Социологический институт РАН

Введение

Теоретические и методологические подходы к исследованию политического участия претерпели в последние годы заметные изменения. Политические неравенства, обусловленные социальной стратификацией и культурными расслоениями, — традиционный объект анализа — стали рассматриваться в общественных контекстах. "Существующие объяснения политического участия, — отмечала П. Норрис, указывая на необходимость таких изменений, — обычно сосредоточиваются на социальных неравенствах <...>, а также на культурных аттитюдах, таких как политический интерес и доверие. Однако самих по себе этих факторов недостаточно для раскрытия отчетливых контрастов в политическом активизме на национальных уровнях. Важно также учитывать более широкий контекст, определяемый социетальной модернизацией, институциональным дизайном и мобилизующими организациями" (Norris 2002: p.4). В сравнительных исследованиях укреплялась тенденция к соответствующему смещению акцентов — в сторону "повышенного внимания к социальным процессам, посредством которых организации, такие как партии, ассоциации и объединения жителей, мобилизуют граждан, а также к более широкому контексту институциональных правил, определяющих формы участия" (Norris 2007: p.643). Такое расширение проблематики стало возможным вследствие появления целого ряда сравнительных национальных опросных данных, содержащих сведения о политических взглядах и поведении граждан во многих странах мира (в Европе, например, — European Values Survey, Eurobarometer, European Social Survey, New Europe Barometer и другие) (см. Kittilson 2007). Дополнение этих данных сведениями о странах и применение статистических методов многоуровневого моделирования позволяют исследовать влияние макро контекста на политические ориентации и активность людей (Anderson 2009, Jones 2008).

Теоретические основания и состояние исследований

Значительный вклад в объяснение политических неравенств был внесен классическими исследованиями С. Вербы и его коллег (Burns, Schlozman, Verba 2001; Schlozman, Verba, Brady 2012; Verba and Nie 1972; Verba, Nie, Kim 1978; Verba, Schlozman, Brady 1995). Политическая активность индивида зависит от его социально-экономического статуса — повышается с ростом образования, доходов, профессионального положения. Это связано с влиянием статуса на аккумуляцию ресурсов, необходимых для занятия политикой, — "гражданских навыков" организационной и коммуникативной деятельности, а

также денег и свободного времени. Высокое социальное положение способствует также психологической вовлеченности в политику — формированию у человека интереса к ней, уверенности, что на нее можно повлиять, чувства гражданского долга, политических знаний, и предполагает его нахождение в социальной среде, способствующей политическому рекрутированию. Такие вовлеченность и мобилизационная доступность в свою очередь увеличивают вероятность участия в политике. Эти выводы были подтверждены в многочисленных исследованиях, проводившихся в разных странах. Так, например, результаты опросов (European Social Survey, ESS 2004), свидетельствующие о политической активности (голосование, партийная работа, участие в демонстрациях и бойкот товаров) в Европе, подтверждают существование неравенств, обусловленных в первую очередь образованием, классовой принадлежностью, возрастом, особенно отчетливых при рассмотрении "конвенционального" участия (Gallego 2007-2008).

Другое важнейшее направление исследований было заложено известной работой С. Г. Барнеса, М. Каазе и их коллег "Политическое действие", посвященной анализу массового участия в политике, включая "конвенциональные" формы и протест, в пяти западных демократиях (Barnes, Kaase et al. 1979). Она приводит к заключению — "повышенный уровень потенциала протеста станет устойчивой характеристикой демократической массовой публики" (Kaase, Barnes 1979), полностью подтвердившемуся последующей динамикой политической активности (Kaase 2010). Было показано, что неудовлетворенность обстоятельствами личной жизни, вопреки теориям депривации, не является мотивирующей силой для участия в политике (кроме недовольства требуются ресурсы) (Barnes, Farah, and Heunks 1979) и что "процессы ценностного изменения (*ограничение "материалистических" приоритетов и распространение "постматериалистических" ценностей — ВС*) и роста образовательных уровней среди Западной публики ведут к повышению потенциала как конвенциональных, так и неконвенциональных форм политического действия" (Inglehart 1979: p. 379). Способность к "идеологической концептуализации" и позитивные аттитюды к политической системе (властям, политике, институтам) — ключевые факторы конвенционального участия, и в определенной мере стимулируют готовность к протестным акциям (в этом случае — недовереие к системе), однако последняя в большей мере обусловлена "постматериализмом", возрастом (представители младших когорт) и левой идеологической ориентацией (поддержкой при голосовании левых) (Farah, Barnes, and Heunks 1979).

Недавние исследования подтверждают, что в стабильных демократиях "неинституционализованные формы" политического участия (бойкоты, петиции, протесты) стали с течением времени (при сопоставлении Political Action Survey 1974 и ESS 2002) все шире применяться гражданами, и при этом наблюдалось сокращение традиционных гендерных и возрастных неравенств, хотя по образованию они сохранялись (Stolle, Hooghe 2011). Согласно данным ESS 2006 г., на индивидуальном уровне "институционализованное" участие положительно связано с политическим доверием (основным институтам), особенно когда оно сочетается с уверенностью человека в своей политической компетенции, а "неинституционализованное" связано с ним негативно — склонность к протесту обусловлена недоверием к властям (Hooghe & Marien 2013).

В современных работах получила развитие и тема культурного расслоения и его влияния на политическое поведение. Процессы глобализации, как показали Г. Кризи и его коллеги, привели в современной Европе к реструктурированию политического конфликта — наряду с идеологическим расслоением, в котором противопоставляются ценности государственных социальных гарантий и неолиберальные устремления, сформировалась новая ось противостояния по линии "интеграция — демаркация". Она разделяет сторонников космополитических и националистических воззрений, и актуализация этого конфликта находит отражение как в электоральной сфере, так и в протестной политике и общественных дебатах (Kriesi et al. 2008; Kriesi et al. 2012). В частности, такое структурирование политического конфликта, отражающее экономические и культурные разногласия, обнаруживается при анализе материалов трех первых раундов ESS (2002, 2004, 2006). Те, кто выигрывает от глобализации — представители наиболее образованного слоя и "социально-культурных специалистов", гораздо чаще выступают за культурную и политическую интеграцию, чем "лузеры", и именно первые наиболее активны на любой арене политической деятельности, особенно на общеевропейских выборах и в протестных акциях, но мало выделяются на национальных выборах (арена, где удается мобилизовать "лузеров", используя националистические, антииммигрантские лозунги) (Dolezal and Hutter 2012; см. также Lachat and Dolezal 2008).

Характерная черта сравнительных исследований последнего десятилетия — анализ контекстуальных влияний на политическое участие и его социальные и культурные детерминанты (все чаще с использованием статистических методов многоуровневого моделирования). Такой подход стал последовательно применяться в области изучения электорального поведения. Примером может служить проект Сравнительного изучения электоральных систем (CSES — Comparative Study of Electoral Systems, см. <http://www.cses.org/>), в котором сведения о поведении граждан на выборах в нескольких десятках стран, полученные в репрезентативных опросах, анализируются совместно с широким кругом показателей политического устройства этих стран (Klingemann 2009; Dalton and Anderson 2011). Интерес к контекстуальным факторам проявляется и в работах, посвященных вовлеченности граждан в политику и регулярно в ней участию (как в "конвенциональных", так и в "протестных" формах).

Согласно теоретическому "положению о политизации", которое сформулировали Я. ван Дет и М. Елфф, "интерес к политике среди граждан является возрастающей функцией от значимости для общества социальных и политических установлений" (Van Deth & Elff 2004: p.479; см. также Van Deth, Elff 2000; Van Deth, Elff 2001). Эмпирический анализ (опросы "Евробарометр" с 1970 по 1998 г.), проводившийся с использованием статистических методов многоуровневого моделирования — учитывались как важнейшие социально-демографические переменные (пол, возраст, образование), так и особенности социального контекста, свидетельствующие о политизации общества (по целому ряду индикаторов, фиксирующих укоренен-

ные социальные расслоения, вмешательство государства в общественную жизнь и способность правительства ее контролировать, открытость политической системы, см. Van Deth, Elff 2001: p. 42-64), лишь отчасти подтверждает это положение. Хотя некоторые из факторов политизации действительно способствуют повышению интереса в стране к политике, они утрачивают свое значение при контроле уровня ее экономического развития. "Самое важное заключение из представленного анализа, — отмечают авторы, — <...> исчезновение воздействия политизации при включении уровня экономического развития каждой страны в многоуровневые модели" (Van Deth & Elff 2004: p.504).

Участие в акциях протеста (по данным World Values Survey 1999-2002), согласно результатам Р. Далтона и А. ван Сикле, неодинаково в разных странах — оно требует на национальном уровне наличия ресурсов и зависит от политических возможностей (и не является реакцией на обострение относительной депривации) (Dalton, Van Sickle 2005). Как показали Р. Далтон и его соавторы в другой работе, на индивидуальном уровне протест также не является инструментом обездоленных и лишенных ресурсов людей — его используют скорее те, кто обладает навыками и ресурсами, необходимыми в политике (люди с высоким уровнем образования, вовлеченные в социальные группы), и кто разделяет постматериалистические ценности и левые ориентации, причем активность таких групп усиливается при повышении уровня экономического развития страны и открытости демократических институтов (Dalton, Van Sickle and Weldon 2010).

В подтверждение тезиса о появлении в передовых странах запада "общества социальных движений" двухуровневое моделирование (с использованием World Values Survey 1990 г.) позволило установить, что повышение "потенциала протеста" (при контроле релевантных переменных индивидуального уровня) действительно связано с развитием страны в *постиндустриальном направлении, экономическим благосостоянием*, а также — с расширением политических возможностей (демократизацией, усилением роли государства, приходом к власти "левых" партий) и *укорененными этническими расслоениями* (Jenkins, Wallace, Fullerton 2008).

С неодинаковым уровнем общественного развития связано и разграничение гражданской политики в европейских странах по линии Запад — Восток. Анализ данных ESS 2004 г. показал, что неравенства (по образованию, профессиональному положению, гендеру) политического участия (в разнообразных формах — от голосования и подписания петиций до бойкотирования) с большей отчетливостью проявляются в посткоммунистических странах Европы, чем в западных (Smith 2009). При рассмотрении материалов ESS 2008 г. было обнаружено, что гендерные неравенства имеют контекстуальную привязку — женщины в странах восточной Европы значительно менее активны в политике (в разных формах), чем мужчины (тогда как на западе континента такого разрыва не обнаруживается), но зато они более вовлечены в электоральный процесс (Coffer 2013). Результаты еще одного исследования (ESS 2006) говорят о том, что "мягкий политический протест" (законные демонстрации, петиции, обращения к властям) больше распространен в *старых демократиях* Европы, чем в новых, а также в странах с невысоким уровнем *доходных неравенств* (на индивидуальном уровне к нему склонны люди с более высоким социальным положением и те, кто с доверием относится к парламенту своей страны) (Dubrow, Slomczynski, Dubrow-Tomescu 2008).

Распределение в обществе доходов — еще один структурный экономический фактор, влияющий на политическую активность. Так, изучение зависимости между вовлеченностью граждан в политику (серия опросных данных для развитых индустриальных демократий за ряд лет) и степенью выраженности в обществе *доходных неравенств* свидетельствует о диф-

ференцированном для разных слоев значения контекста (Solt 2008). Многоуровневое моделирование, в котором учитывались интеракции между переменными индивидуального и социального уровней, продемонстрировало, что с повышением в стране доходных неравенств заметно снижается интерес людей к политике, частота политических дискуссий, а также электоральное участие, и такое снижение происходит во всех доходных стратах, кроме самой верхней. "Рост экономического неравенства, — пишет Ф. Солт, — все сильнее искажает демократию в интересах самых богатых граждан, вследствие чего многие другие люди склоняются к мнению, что в политические игры попросту не стоит играть" (там же: р. 58).

Наряду с вниманием к структурным факторам контекста (уровень развития экономики, разделение на "западный" и "посткоммунистический" миры, неравенство доходов, этнические разделения общества) у исследователей вызвали интерес и переменные, говорящие об особенностях политических систем в разных странах. Характеризуя результаты Сравнительного исследования электоральных систем (CSES), Г.-Д. Клингеманн отмечает, что они в определенной мере подтверждают предположение о влиянии институтов на политические взгляды и электоральное поведение граждан (Klingemann 2009a: р.26). Последующие изыскания в рамках этого проекта приводят к заключению, согласно которому "многие из основных предикторов индивидуального поведения действуют сходным образом даже в сильно различающихся демократиях из CSES <...> контекстуальные факторы скорее модифицируют эти общие (индивидуального уровня) процессы электорального выбора, чем вызывают совершенно от них отличные процессы" (Anderson and Dalton 2011: р.243).

В странах западной Европы, согласно многоуровневому анализу (индивиды — European Value Study 2008 и страны — данные Regional Authority dataset), политический протест зависит от уровня *институциональной децентрализации*: с ее увеличением растут возможности доступа в политическую систему, что повышает шансы оказания влияния на процесс принятия решений, а кроме того децентрализация способствует мобилизации, осуществляемой политическими партиями и профсоюзами (Quaranta 2013). Это заключение подтверждается исследованием, в котором многоуровневый подход применялся к другим данным (International Social Survey Programme 2004: Citizenship (ISSP 2004) data): в государствах с более конкурентными системами наложения вето на принятие решений, действующими через *горизонтальную и территориальную децентрализацию*, уровень "неэлекторального участия" выше, чем в условиях централизации, но такое воздействие проявляется только в интеракции с сетями социальной мобилизации — институциональный контекст приобретает значение для тех, кто связан с этими сетями (Vrablikova 2014).

В другой работе сообщается, что граждане, не доверяющие парламенту своей страны (данные ESS), с большей вероятностью участвуют в протестной активности, и что такая зависимость с большей отчетливостью наблюдается в *"открытых политических контекстах"* (Hutter, Braun 2013). Влияние контекстуального фактора институциональной открытости на силу связи между индексом политического доверия и политической активностью было обнаружено и при многоуровневом изучении материалов ESS 2008 г. Открытость усиливает эту связь, если речь идет об "институционализированном" участии, и ослабляет значение недоверия для "неинституционализированных" его форм (Marien and Christensen 2013). В посткоммунистической Европе (данные опросов для 10 стран, проект Consolidation of Democracy in Central and Eastern Europe 1997-2001) за *партийную конкуренцию*, которая считается благом для утверждения демократического правления, приходилось платить немалую цену: она вызывала у граждан разочарование политической системой, что приводило к снижению их участия в политике (Seка 2013). Кроме того, есть основания

предполагать, что участие в политике связано и с тем, как работают государственные и политические институты. Благоприятный контекст политического участия граждан (данные ESS 2006) — "хорошее правление" в стране (по Worldwide Governance Indicators, World Bank — развитие демократических прав и свобод, законность, контроль коррупции, эффективность управления и др.) (Hooghe & Marien 2013).

Представленный обзор исследований свидетельствует, что в последние годы влияние переменных индивидуальных отличий (социальной демографии, ценностных предпочтений и политических установок) на политическое поведение граждан анализируется с учетом контекста — структурных и институциональных особенностей широкого набора стран. В связи с этим все чаще стали использоваться статистические методы многоуровневого моделирования. Некоторые результаты, показывающие значение контекстуальных факторов, воспроизводятся в исследованиях, охватывающих разные наборы стран. Это относится к переменной уровня экономического развития, однако остается неясным, почему именно она играет столь важную роль, нивелируя зачастую даже воздействие таких факторов, как открытость политической системы. Различные способы операционализации концепта политических возможностей позволяют показать, что с их расширением связано нарастание массовой политической активности. Но при этом остается открытым вопрос об относительной силе влияния таких переменных — как между собой, так и при учете структурных параметров. Кроме того, некоторые эффекты были зафиксированы лишь в отдельных исследованиях, как, например, роль доходных неравенств или этнических расслоений, тогда как в других подтверждения не получали. Отметим также, что связь современных идеологических размежеваний на индивидуальном уровне с политическим поведением пока не рассматривалась, насколько нам известно, в контекстуальном анализе. В настоящей работе предпринимается попытка дальнейшего прояснения этих вопросов.

Цели и методы исследования

Исследование направлено на прояснение вопроса о том, насколько велики различия в политической активности граждан в разных частях Европы, и чем эти различия обусловлены. Теоретическое основание — представление, в соответствии с которым вовлеченность граждан в политическую жизнь связана не только с тем, что представители разных слоев социальной иерархии обладают неодинаковыми ресурсами и навыками, необходимыми для политики, в разной степени мотивированы к участию в ней и сопряжены с мобилизационными структурами, но что она связана и с общественным контекстом, в котором им приходится жить. Среди факторов, характеризующих этот контекст и способных приводить к политизации общества, будут рассмотрены, учитывая предшествующие работы, структурные особенности европейских стран, открытость их политических систем, качество государственных услуг, а также развитие гражданского общества и демократической политической культуры.

Предполагается, что политизации общества способствуют повышение уровня социально-экономического развития страны, усиление доходных неравенств, увеличение этнической и религиозной неоднородности. А также — более открытая структура политических возможностей, подразумевающая соблюдение демократических прав и свобод, баланс ветвей власти, сильный парламент, партийную неоднородность правительства и парламента. Возможно, политизацию усиливает и вмешательство государства в общественную жизнь — повышение его роли в экономике и развитие социального государства — и эффективность его деятельности. Кроме того — развитое гражданское общество, широкое распространение добровольных ассоциаций и мобилизационных сетей. Наконец, этому может содействовать и широкое распространение привер-

женности граждан демократическим ценностям и убеждениям. Анализ контекста предполагается дополнить изучением идеологических предпочтений граждан и их мотивирующего влияния на политическое участие. Основные идеологические разногласия в сегодняшней Европе связаны с проблемами экономического перераспределения и государственных социальных гарантий, защиты природы и окружающей среды, равенства прав женщин и социальных меньшинств, иммиграции. Можно предположить, что наиболее активны в политике сторонники левых взглядов, как традиционных, подразумевающих социальную защиту со стороны государства, так и выражаемых новыми общественными движениями — за экологическую безопасность, равенство прав женщин и меньшинств. Не исключено, что такие зависимости обусловлены контекстом — находят неодинаковое проявление в разных частях Европы.

Эмпирические данные, используемые при решении указанных задач, были получены в Европейском социальном исследовании (European Social Survey, Round 4: ESS... 2008), — репрезентативных национальных опросах, охватывающих 28 стран. В число государств, изучавшихся в этом раунде, входят: Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Израиль, Испания, Кипр, Латвия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Словакия, Словения, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция и Эстония. Общее число опрошенных составляет пятьдесят с лишним тысяч человек (средний размер национальной выборки — около 2000 человек). Контекстуальные показатели о странах извлекались из сведений, собираемых такими организациями, как Мировой банк, Евростат, а также материалов, полученных в ряде исследовательских проектов.

Для измерения политического участия (более или менее регулярного, не учитывая выборов) респондентам ESS предлагалось указать, приходилось ли им — для улучшения положения дел в стране или предотвращения принятия неправильных решений — в течение последних 12 месяцев (1) обращаться к конкретному политику или в общенациональные или местные органы власти, (2) участвовать в работе политической партии, группы, движения, (3) в работе какой-либо другой общественной организации или объединения, (4) носить или вывешивать символику какой-либо политической, социальной, гражданской, экологической или иной акции или организации, (5) подписывать петиции, обращения, открытые письма, (6) принимать участие в законных демонстрациях и (7) бойкотировать какие-либо товары или услуги, отказываться от их покупки или потребления, чтобы выразить свой протест. Эти сведения использовались для построения дихотомического индекса участия в политике, отделяющего пассивных граждан — тех, кто ничего из перечисленного не предпринимал, от активных — предпринявших хотя бы одну попытку изменить ситуацию.

Статистический анализ осуществлялся с помощью методов двухуровневого логистического (и линейного) моделирования, обеспечиваемых специализированным пакетом программ HLM (Hierarchical Linear and Nonlinear Modeling, см. Raudenbush and Bryk 2002). Основные его разновидности — построение моделей (а) со "случайным интерсептом" при контроле контекстуальных факторов, и (б) "случайными коэффициентами" и интеракциями между переменными 1-го уровня (индивидуальных различий) и фак-

торами 2-го уровня (контекстуальных отличий между странами).

Политическое участие: результаты исследования

Различия между странами

Анализ свидетельствует, что европейские общества очень сильно отличаются друг от друга по политической активности своих граждан. Об этом говорят результаты, приведенные на рисунке 1.

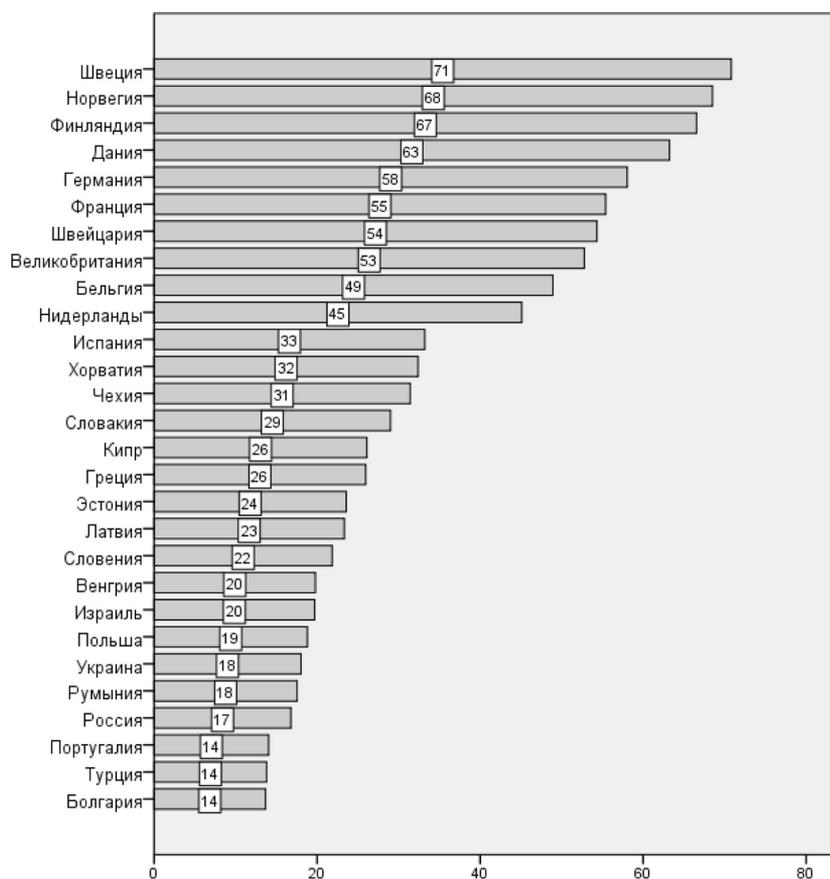
Высокие показатели политического участия характерны для стран северной и западной Европы, наиболее развитых экономически, с сильным социальным государством и глубокими демократическими традициями, тогда как низкие — для многих посткоммунистических государств и относительно менее развитых стран южной части континента. Так, обобщающий показатель политической активности (обращение за последние 12 месяцев, по крайней мере, к одной из семи названных выше разновидностей политического участия) составляет в Швеции 71%, Норвегии — 68%, Финляндии — 67%, Дании — 63%, тогда как в Болгарии, Турции и Португалии он равняется всего лишь 14%, в Румынии и на Украине — 18%, в Польше — 19%.

Среди обществ с невысокими значениями политической активности располагается и Россия — в нашей стране только 17% участников опросов предпринимали ежегодно то или иное политическое действие.

Контекстуальные различия

Исследование влияния контекстуальных факторов, разделяющих ESS страны, на политическое поведение граждан осуществлялось с помощью двухуровневого логистического моделирования (зависимая переменная — дихотомический индекс политического участия, модели со "случайным ин-

Рис. 1. Доли граждан европейских стран, принимавших участие хотя бы в одной разновидности политических акций в течение 12 месяцев

терсерптом" без контроля переменных первого уровня). Рассматривались пять групп таких факторов, выделенных в соответствие с теоретическим представлением об условиях политизации общества:

1) структурные особенности — показатели развития экономики, выраженности доходных неравенств, образованности граждан, представительства в социальной структуре профессионалов и специалистов, обеспеченного слоя, этнической и религиозной неоднородности;

2) открытость политической системы — показатели стабильности демократии и соблюдения демократических прав и свобод, свободы прессы, независимости ветвей власти и ее распределения между центральным и субнациональными уровнями, широты полномочий парламента, выраженности политической конкуренции и партийной неоднородности правительства и парламента;

3) качество работы государственных и политических институтов — по ориентированности на социальные нужды, способности проводить управленческие решения в жизнь, соблюдению законности и контролю коррупции;

4) мобилизационный контекст — по распространенности профсоюзов и других добровольных организаций, партийной идентификации, доступности Интернета;

5) политическая культура — по степени приверженности граждан демократическим убеждениям, отчетливости их идеологической идентификации, представительству в парламенте женщин, выраженности в обществе интереса к политике, доверия государственным и политическим институтам.

Описание этих переменных дается в *Приложении*.

Опираясь на предшествующие исследования, можно предположить, что благоприятный контекст для политического участия граждан — высокий уровень экономического и социального развития страны, выраженность доходных неравенств и культурного расслоения, большая открытость политической системы, вмешательство государства в общественную жизнь и эффективность власти, развитое гражданское общество и демократическая политическая культура. Результаты проверки этих предположений сведены в *таблицу 1*.

В колонке "А" приводятся статистики, позволяющие сопоставить модели, включающие каждый из указанных факторов, взятых по отдельности, и модель, не содержащую на втором уровне ни одного из них (% Explained — объясненная дисперсия и хи-квадрат для разности Deviance statistics — чем больше эти значения, тем лучше фактор объясняет различия политического участия в изучавшихся странах).

Согласно полученным результатам, *ресурсные факторы* действительно играют важную роль, определяя политическое поведение граждан, особенно — душевой национальный доход (как и уровень жизни населения), но также и преобразование социальной структуры в направлении, характерном для постиндустриального общества, — с меньшим доходным неравенством и расширением слоя высокообразованных профессионалов и специалистов. Этническая и религиозная неоднородность существенного значения не имеют.

Открытость политической системы тоже может способствовать участию людей в политике — это относится к пере-

Табл. 1. Различия политического участия в Европе: влияние контекстуальных факторов (двухуровневое логистическое моделирование)

ФАКТОРЫ	А				Б			
	γ	% Exp.	χ^2	Sig.	γ	% Exp.	χ^2	Sig.
Структурные особенности:								
ВНД на душу	0.064	76%	39.1	.000				
Джини коэффициент	-8.259	30%	9.7	.002				
Образование	0.301	30%	9.9	.000	0.133	27%	8.5	.004
Профессионалы	0.074	39%	13.9	.000				
Обеспеченный слой	0.037	66%	33.1	.000				
Этническая неоднородность	-1.629	10%	2.9	.085				
Религиозная неоднородность	0.280	1%	0.1	.500				
Открытость полит. системы:								
Длительность демократии	0.030	53%	21.3	.000				
Демокр. права и свободы	1.102	53%	20.7	.000				
Политическая конкуренция	0.044	24%	7.5	.006				
Фракционность правительства	0.966	10%	2.8	.088				
Фракционность парламента	2.400	9%	2.7	.096				
Влиятельность парламента	1.432	3%	0.8	.500				
Баланс ветвей власти	0.226	9%	2.7	.098				
Свобода прессы	-0.035	40%	14.2	.000				
Расходы субнац. уровня	0.031	31%	10.5	.002	0.011	18%	5.5	.018
Гос. управление:								
Контроль коррупции	0.751	70%	33.7	.000				
Соблюдение законности	0.877	66%	29.8	.000				
Эффективность управления	0.912	65%	29.3	.000				
Вмешательство в экономику	-0.434	29%	10.0	.002				
Гос. расходы на здоровье	0.757	79%	43.2	.000				
Мобилизационный контекст:								
Членство в профсоюзах	0.040	50%	19.5	.000	0.014	19%	5.9	.014
Развитие гражданского об-ва	0.051	35%	11.9	.001				
Партийная идентификация	0.039	25%	8.0	.005				
Доступность Интернета	0.045	60%	25.5	.000				
Политическая культура:								
Демократические убеждения	0.378	54%	21.9	.000				
Идеологическая идентификация	-0.069	70%	33.9	.000				
Женщины в парламенте	0.060	57%	23.8	.000				
Интерес в обществе к политике	0.039	30%	10.0	.002				
Доверие гос. полит. институтам	0.547	56%	23.0	.000				

Method of estimation: Laplace.

менным соблюдению политических прав и свобод, в т.ч. свободы прессы, длительности их обеспечения и выраженности партийной конкуренции. Однако, отчетливость партийной неоднородности правительства и парламента, влияние последних и развитость системы "сдержек и противовесов" между ветвями власти с политическим поведением связаны слабо. В отличие от фактора "горизонтальной" плюрализации власти, "вертикальная" ее составляющая оказывает на участие в политике заметное позитивное воздействие — оно повышается в тех странах, где властные полномочия реально разделены между центром и региональным или местным уровнями (показатель доли государственных расходов, приходящейся на субнациональные властные структуры).

Развитие *социального государства* (по показателю бюджетных расходов на поддержание здоровья) и *эффективной государственного управления* (соблюдение законности в стране, контроль коррупции, качество работы бюрократии и услуг населению) поддерживают стремления граждан, направленные на побуждение властей к принятию важных для них решений. В меньшей степени такой стимул появляется в том случае, когда государство расширяет свое присутствие в экономике.

Вовлечению в политические акции помогает и распространение в обществе *мобилизационных структур* — добровольных организаций, особенно массовых профсоюзов, и социальных сетей, организованных посредством Интернета.

Важное условие политической активности в стране — укоренение в обществе *демократической политической культуры*: убежденности граждан в преимуществах демократии и отвержения ими авторитарных альтернатив, интереса к политической жизни, умения различать партийные платформы в спектре Левый / Правый и определять в нем свою идеологическую позицию, определенного уровня доверия к политическим и

государственным институтам, подразумевающим возможность взаимодействия между гражданским обществом и властью.

Среди контекстуальных переменных, оказывающих наибольшее стимулирующее воздействие на политическую активность, — развитость социального государства (показатель государственных расходов на здоровье), качество государственного управления (способность контролировать коррупцию) и обеспеченность ресурсами (развитие экономики). Можно показать, что душевой ВНД способствует участию в политике лишь в той мере, в какой предполагает увеличение вложений на укрепление национального здоровья (при добавлении в модель, содержащую фактор национального дохода, индекса душевых бюджетных вложений в здравоохранение, происходит ее заметное улучшение, тогда как при добавлении в модель с показателем этих вложений индикатора экономического развития такого изменения не наблюдается).

Три указанные переменные, тем не менее, тесно связаны между собой и могут быть отображены одним общим индексом (на основе факторного — компонентного — их анализа). Этот индекс говорит о продвижении страны в направлении доминирующего тренда общественного развития современных Западных обществ, подразумевающего расширение социальной ответственности государства и повышение качества государственного управления по мере демократизации и экономического роста.

Поскольку многие рассмотренные выше факторы различий между странами образуют связанные синдромы, нам предстоит теперь вычленив из них те, которые наиболее важны и дополняют друг друга, создавая благоприятные условия для гражданской политики. С этой целью было продолжено конструирование двухуровневых моделей, результаты которого отображены в колонке "Б" *таблицы 1*. В ней указаны статистики (объясненная дисперсия и хи-квадрат для разности Deviance statistics), полученные при сопоставлении моделей, одна из которых включает только описанный индекс общественного развития, а другая дополнительно учитывает и еще один из всех оставшихся факторов. Приводятся только те из них, которые остаются статистически значимыми при таком контроле. Оказалось, что многие из этих факторов имеют существенное значение только в той мере, в какой сопряжены с развитием социального государства, контролем коррупции и стоящим за ними экономическим благосостоянием.

Всего три характеристики стран улучшают объяснение, полученное при фиксации уровня развития, — это образованность граждан, возможность их мобилизации благодаря массовому членству в профсоюзах и распределение властных полномочий сверху вниз, от центра к региональным и местным органам. Индекс общественного развития и три названные фактора — при их совместном учете — позволяют объяснить 90% дисперсии нашего показателя политического участия, причем, как видно в *таблице 2*, такая модель существенно лучше по сравнению с той, которая содержит только этот индекс (см. сравнение по хи-квадрату Модели 2 и Модели 1; хотя гамма-коэффициенты для факторов "профсоюзы" и "расходы субнационального уровня" оказались за пределами общепринятых критериев статистической значимости, можно показать, добавляя их в модель по одному и сопоставляя соответствующие Deviance statis-

tics, что они все же улучшают объяснение, хотя и несильно).

Согласно модели 2, важнейшее условие стимулирования гражданской активности — социальная ориентация политики государства и демократический контроль коррупции, сопряженные с экономическим благосостоянием. Так, если в странах с относительно невысоким уровнем общественного развития (к ним относится и Россия) лишь 15% участвовали в течение последних 12 месяцев в какой-либо разновидности политических акций, то при его самых высоких значениях этот показатель равняется 63%. Но важен и учет дополнительных контекстуальных факторов: при прочих равных условиях, определяемых набором рассматриваемых переменных, в наименее образованных обществах указанный показатель — 21%, а в наиболее образованных — 37%; в странах с низким членством в профсоюзах — 30%, а при высоком — 42%, и, наконец, при высокой концентрации власти в центре — 29%, тогда как при низкой — 39%.

Таким образом, важнейшие обстоятельства, способствующие демократической политической активности в странах Европы, связаны не столько с особенностями институционального дизайна их политических систем и общественными противоречиями, порождаемыми социально-культурными и экономическими расслоениями, сколько с характером функционирования государственных и политических институтов. Граждане стремятся оказать влияние на политику в том случае, когда деятельность этих институтов тесно связана с интересами широких слоев и подотчетна им, как это имеет место в стабильных западных демократиях с развитым социальным государством и общественным контролем за властями.

Социальные неравенства, идеологические разногласия и политическая активность в разных общественных контекстах

При исследовании политического поведения были обнаружены общие для европейских демократий закономерности, свидетельствующие об отчетливых неравенствах в политическом участии, обусловленных, в согласии с признанными теоретическими представлениями, различиями между индивидами по наличию у них ресурсов, мотивации и связей с мобилизационными сетями и организациями. Так, политическая активность усиливается с ростом образовательного уровня индивида, она выше у респондентов зрелого возраста по сравнению с молодежью и очень пожилыми людьми, вероятность участия в политике намного повышается у тех, кто ею интересуется и кто считает, что способен разобраться в ее перипетиях, а также в том случае, если человек связан с профсоюзами, иденти-

Табл. 2. Основные контекстуальные стимулы политического поведения в странах Европы (двухуровневые логистические модели со "случайным интерсептом" без контроля индивидуальных различий)

ФАКТОРЫ:	Модель 0			Модель 1			Модель 2		
	γ	T-ratio	Sig.	γ	T-ratio	Sig.	γ	T-ratio	Sig.
Индекс развития				0.79058	9.8	.000	0.59015	7.2	.000
Образование							0.10902	3.4	.003
Членство в профсоюзах							0.00890	1.7	.103
Расходы субнац.уровня							0.00703	1.1	.269
ДИСПЕРСИЯ, уровень 2:	τ	% Exp.	Sig.	τ	% Exp.	Sig.	τ	% Exp.	Sig.
Intercept	0.74204		.000	0.13859	81%	.000	0.07531	90%	.000
МОДЕЛИ, Deviance statistics:					χ^2	Sig.		χ^2	Sig.
					46.5	.000		16.7	.001

Method of estimation: Laplace. % Exp(lained) - в соотношении с дисперсией в Модели 0, не содержащей факторов 2-го уровня. По хи-квадрату Модель 1 сопоставляется с Моделью 0, а Модель 2 - с Моделью 1

фицирует себя с определенной политической партией или имеет ежедневный доступ к Интернету (результаты не приводятся).

Хотя такие закономерности проявляются в изучавшихся странах с неодинаковой отчетливостью (о чем свидетельствуют в двухуровневых моделях статистически значимые дисперсии для соответствующих коэффициентов, которые рассматривались в них как "случайные" — варьирующие для рассматривавшихся стран), нам не удалось найти (в моделях, включающих на первом уровне указанные переменные индивидуальные различий, на втором уровне — обсуждавшиеся выше наиболее существенные контекстуальные факторы, а также интеракции между показателями одного и другого уровней) отчетливых зависимостей, объясняющих неодинаковое влияние индивидуальных характеристик на политическое поведение в разных общественных контекстах.

Другое направление изучения индивидуальных неравенств политического поведения было связано с анализом основных идейных разногласий в современной Европе. Участие гражданина в политике — попытка воздействовать на власти с целью предотвращения нежелательных последствий принимаемых ими решений или изменения сложившегося положения дел — подразумевает его приверженность определенным ценностям и убеждениям, которые не принимаются в расчет руководством. К их числу могут относиться, как позволяют предположить исследования, а) доминировавшие в индустриальную эпоху ориентации, связанные с проблемами перераспределения доходов и государственных социальных гарантий, б) отстаиваемые "новыми общественными движениями" в 70-80-е годы прошлого столетия и не утратившие своего значения до настоящего времени устремления, предполагающие защиту окружающей среды, прав женщин и социальных меньшинств, а также в) обострившееся в последние годы неприятие иммиграции, ставшее одной из важнейших проблем для многих европейских стран.

В нашем исследовании была предпринята попытка проверить, действительно ли указанные идеологические разногласия побуждают граждан ЕС-стран к участию в политике. Рассматривались следующие шесть индексов индивидуальных различий (факторный анализ свидетельствует об относительной независимости воззрений, выражаемых каждым из них):

(1) *Необходимость государственной социальной защиты*.

Индекс рассчитывается как среднее значение шкальных оценок выставляемых респондентом при обсуждении того, должно ли государство брать на себя решение следующих задач: "Обеспечение работой каждого, кто хочет работать", "Обеспечение квалифицированной медицинской помощи тем, кто в ней нуждается", "Обеспечение достойного уровня жизни людям в старости", "Обеспечение достойного уровня жизни безработным", "Обеспечение ухода за детьми работающих родителей", "Предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи" (шкалы от 0 — вовсе не задача государства до 10 — всецело задача государства; ответы на указанные вопросы

тесно взаимосвязаны, образуя общий фактор).

(2) *Совместимость социальной защиты с развитием экономики*. Степень согласия (в среднем) респондента с утверждениями о том, что социальные пособия, льготы и услуги в стране "являются слишком тяжелым бременем для экономики" и "слишком дорого обходятся предприятиям в виде налогов и издержек" (шкалы от 1 — полностью согласен до 5 — совершенно не согласен; исходные шкалы тесно связаны).

(3) *Оправданность доходных неравенств*. Степень согласия с суждением "разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях" (шкала от 1 — совершенно не согласен до 5 — полностью согласен).

(4) *Экологическая безопасность*. Признание респондентом своего сходства с человеком, в описании которого сказано: "Он твердо верит, что люди должны беречь природу. Для него важно заботиться об окружающей среде" (шкала от 1 — совсем не похож на меня до 6 — очень похож на меня).

(5) *Гендерное равенство и права сексуальных меньшинств*. Согласие или несогласие респондента с двумя статистически взаимосвязанными вопросами: "Когда рабочих мест не хватает, у мужчин должно быть преимущество перед женщинами при приеме на работу" и "Геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам" (шкала 1-го суждения от 1 — полностью согласен до 5 — совершенно не согласен; 2-го суждения — обратная).

(6) *Нужность и ценность иммиграции*. Индекс, построенный с помощью факторного анализа и отражающий убеждения опрошенных по двум блокам анкетных вопросов. Первый — следует ли позволить людям 1) "той же расы или национальности, что и большинство населения [страны]", 2) "которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения [страны]", 3) "из более бедных стран за пределами Европы" переезжать жить в нашу страну? (шкала от 1 — позволить многим до 4 — никому не разрешать). Второй блок включает вопросы: 4) "Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в [страну], в целом хорошо или плохо сказывается на экономике [страны]?" (шкала от 0 — плохо для экономики до 10 — хорошо для экономики), 5) "приток лю-

Табл. 3. Политическое участие: значение идеологических конфликтов в разных контекстах (двухуровневые логистические модели со "случайными коэффициентами" и межуровневыми взаимодействиями)

ПЕРЕМЕННЫЕ, Уровень 1	Модель 3			Модель 4		
	γ	T-ratio	Sig.	γ	T-ratio	Sig.
Intercept	-0.6750	-4.0	0.001	-0.6860	-8.7	0.000
Необходимость государственной социальной защиты	-0.0559	-3.3	0.003			
Совместимость социальной защиты с развитием экономики	0.0307	1.6	0.121			
Оправданность доходных неравенств	0.0373	1.9	0.062			
Экологическая безопасность	0.1466	7.1	0.000	0.1382	7.4	0.000
Гендерное равенство и права сексуальных меньшинств	0.2679	8.4	0.000	0.2944	11.3	0.000
Нужность и ценность иммиграции	0.2390	9.6	0.000	0.2501	13.3	0.000
ФАКТОРЫ, Уровень 2						
Индекс общественного развития				0.7917	10.0	0.000
ИНТЕРАКЦИИ Уровней 1 и 2						
Индекс x Гендерное равенство и права сексуальных меньшинств				0.1063	4.1	0.000
Индекс x Нужность и ценность иммиграции				0.0990	5.1	0.000

Method of estimation: restricted PQL

дей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру [страны]?" (шкала от 0 — разрушает культуру до 10 — обогащает культуру) и б) "с притоком людей из других стран [страна] как место для жизни становится лучше или хуже? (0 — становится хуже, 10 — становится лучше).

Результаты двухуровневого анализа представлены в таблице 3. Модель 3 позволяет оценить степень воздействия на политическое поведение всех шести идеологических переменных, учитывая возможность неодинакового их влияния в разных европейских странах (Intercept и все коэффициенты для этих переменных считаются "случайными").

Размежевание позиций по линиям признания справедливости доходных неравенств и негативных последствий государственных социальных гарантий для экономического роста, как показывают статистически незначимые гамма-коэффициенты, не связано с активностью в политике. В отличие от тех, кто не сомневается в необходимости обеспечения государством социальной защиты, респонденты, ратующие за некоторое ограничение этой его функции, более активны в политической жизни (отрицательная, статистически значимая гамма), однако различия между теми и другими очень малы. (Поскольку всюду в Европе идея социального государства имеет поддержку явного большинства, в некоторых странах — едва ли не всеобщего, в других — преобладающей части общества, при сопоставлении показателей активности представителей нижнего и верхнего квартилей данного идеологического индекса разница оказывается не заслуживающей внимания).

Кроме того, оказалось, что каждый из трех упомянутых идеологических показателей по-разному влияет по политическое поведение в изучавшихся странах (дисперсии, характеризующие вариативность соответствующих гамма-коэффициентов, статистически значимы — в таблице не приводятся). Правда, отчетливых паттернов эти различия не образуют (в отдельных странах, составляющих исключение, влияние можно быть достаточно отчетливым, хотя, в общем, оно не проявляется).

Идеологические переменные, характеризующие отношение к проблемам экологии, равенства прав женщин и сексуальных меньшинств, а также иммиграции, играют важную роль, стимулируя политическую активность (см. высокие значения T-ratio). К участию в политике в большей мере склонны (как показывают положительные гаммы) сторонники защиты окружающей среды, равенства прав женщин и меньшинств и одобрения иммиграции. Причем степень проявления таких различий сильно варьирует — в одних странах они заметно выше, чем в других (высоко значимые дисперсии для соответствующих коэффициентов, не приводятся).

Учитывая описанные результаты, четвертая модель (таблица 3) включала на первом уровне только три наиболее существенных идеологических переменных, а также, на втором уровне, наиболее важный, как было показано ранее, фактор политического поведения — индекс общественного развития (развитое социальное государство, контролируемая обществом работа государственных органов и высокий уровень экономического развития). Эта модель позволяет оценить и интеракции между переменными первого и второго уровней. В любой из ESS-стран большинство составляют люди, выступающие за

Рис. 2. Защита прав женщин и сексуальных меньшинств: влияние на политическую активность в странах Европы с разным уровнем развития

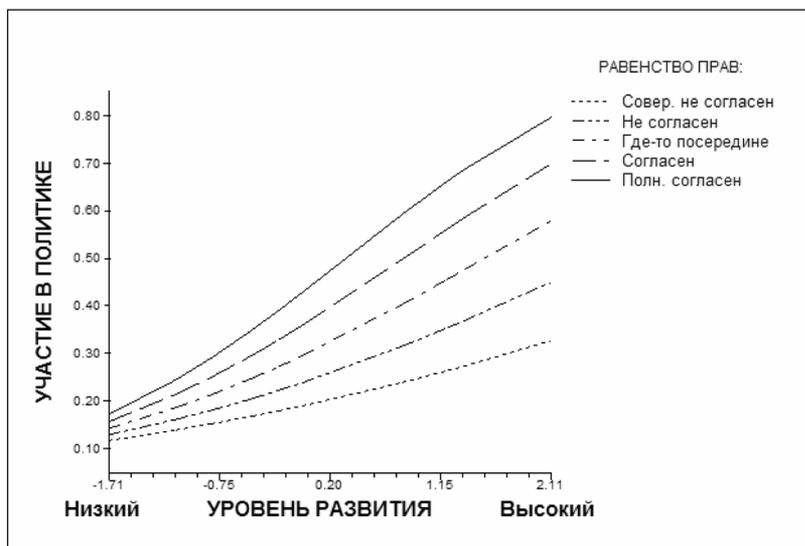
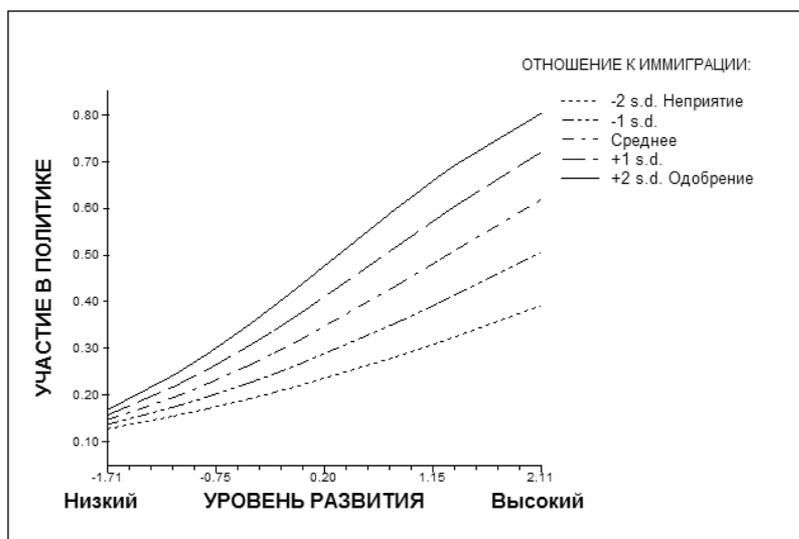

Рис. 3. Отношение к иммиграции: влияние на политическую активность в странах Европы с разным уровнем развития

экологическую безопасность, и именно они наиболее активны в политике (предварительный анализ показал, что интеракция с индексом развития общества незначима, и не учитывалась в рассматриваемой модели). Интеракции между индексом развития страны и переменными равенства прав женщин и меньшинств и неприятия / одобрения иммиграции, как видно в таблице 3, оказались положительными и статистически значимыми на высоком уровне. Это значит, что с повышением значений индекса такие идеологические различия все с большей отчетливостью дифференцируют политическое поведение. В наглядном виде эти зависимости представлены на рисунках 2 и 3 (рассчитаны по модели 4).

В наименее развитых странах Европы, как видно на рисунке 2, сторонники равенства прав женщин и сексуальных меньшинств мало отличаются по политическому участию от противников этих убеждений. По мере повышения уровня развития страны разрыв между теми и другими возрастает, так что при самом высоком значении этого фактора он достигает между полюсами идеологической шкалы значения в 47 процентных пунктов — в политике участвуют 80%, ратующих за равенство прав, и 33% тех, кто выступает против этого.

Сходная закономерность, как видно на *рисунке 3*, наблюдается и при рассмотрении политического поведения идеологических оппонентов, разделенных своим отношением к проблеме иммиграции. В слабо развитых странах отношение к иммиграции и участие в политике не связаны. На противоположном полюсе шкалы общественного развития связь между ними проявляется с полной определенностью. Наиболее активны граждане, признающие необходимость иммиграционных процессов (показатель участия в политике — 80%), а наименее — те, для кого иммиграция неприемлема (39%).

Обсуждавшиеся идеологические различия политического поведения свидетельствуют только об относительных отличиях — степени активности людей с определенными взглядами по отношению ко всем представителям того или иного идейного течения. При этом может оказаться, что очень активная, но небольшая группа, придерживающаяся определенных взглядов, имеет меньше шансов быть услышанной властями и обществом, чем большая группа, многие члены которой политически пассивны. Чьи же голоса слышны в европейских странах?

Дополнительный анализ (вычисление различий по модели 4, аналогичных приведенным выше, но не в вероятностях политического участия или процентных долях, а в абсолютных числах количества акций, проведенных сторонниками и противниками идеи равенства прав женщин и меньшинств, а также — признания необходимости иммиграции) показывает, что в политическом хоре развитых стран Европы солируют представители либерального крыла, выступающие за признание социального плюрализма и равенства прав женщин, сексуальных меньшинств и иммигрантов. Об этом недвусмысленно свидетельствуют *рисунки 4 и 5*.

Носители рассмотренных идеологических ориентаций, как показывает двухуровневое линейное моделирование (зависимая переменная — индекс "гендерное равенство и права сексуальных меньшинств" или индекс "нужность и ценность иммиграции", независимые переменные 1-го уровня включали социальную демографию, а на 2-ом уровне — индекс общественного развития, учитывались и межуровневые интеракции, результаты не приводятся), имеют, как правило, вполне определенную позицию в социальной структуре общества. В любой из европейских стран сторонников отстаивания прав женщин и меньшинств можно с большей вероятностью встретить среди наиболее образованных людей, в рядах молодежи, естественно, женщин и в обеспеченной материально стране. К иммиграции с одобрением также относятся представители благополучного в материальном отношении слоя, хорошо образованного сегмента и младшие возрастные когорты. В нижних ярусах социальной структуры, напротив, больше распространено негативное отношение к идеям гендерного равенства, прав сексуальных меньшинств и необходимости и полезности притока иммигрантов. В силу этого, наиболее слышные политические голоса — в наиболее развитых странах Европы — выражают позиции среднего класса ("социально-культурных специалистов") и новых поколений.

Таким образом, исследование показывает, что традиционные идеологические размежевания на индивидуальном уровне, связанные с проблемами социальной справедливости и пере-

Рис. 4. Число разновидностей политических акций, в которых участвовали сторонники и противники защиты прав женщин и сексуальных меньшинств в странах Европы с разным уровнем развития

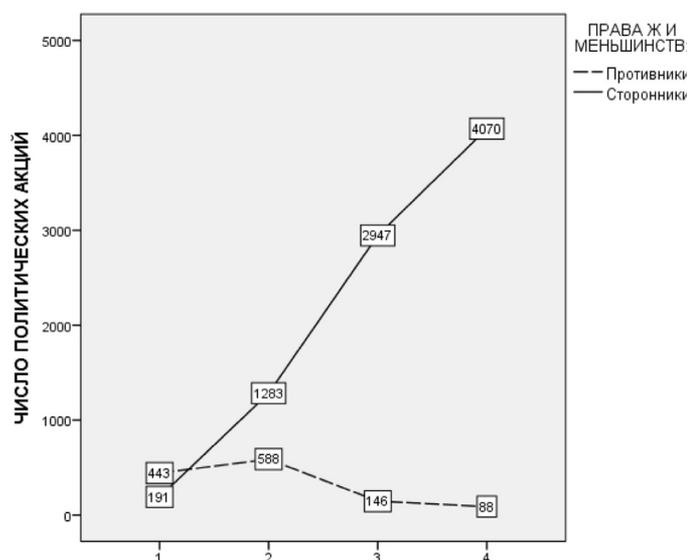
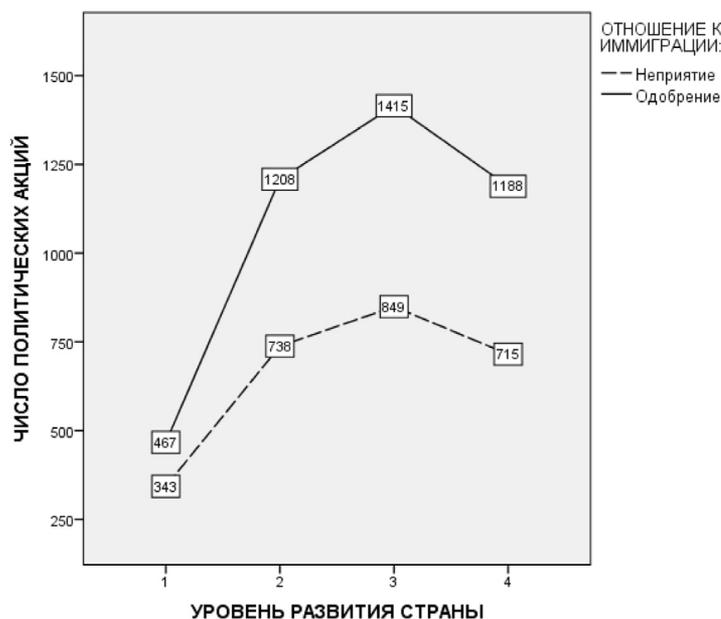

Рис. 5. Число разновидностей политических акций, в которых участвовали сторонники и противники идеи необходимости иммиграции в странах Европы с разным уровнем развития

распределения доходов, не оказывают заметного воздействия на побуждение к политическому действию. К нему побуждают в современной Европе устремления к экологической безопасности и особенно сильно вопросы равенства гражданских прав — обеспечения равноправия женщин, сексуальных меньшинств и иммигрантов. Причем в менее развитых странах эти идеологические расслоения существенного влияния на участие в политике не оказывают, но при продвижении к полюсу наиболее развитых государств (ВВП, государственные социальные расходы, обуздание коррупции) их роль становится все более отчетливой.

Заключение

Исследование позволило выявить ряд характерных особенностей политического поведения в странах Европы в конце прошлого десятилетия. Установлены следующие факты.

Политическая активность — участие граждан в разнообразных акциях, предполагающих воздействие на власти, — в одних странах оказалась гораздо более распространенным явлением, чем в других. Такие различия связаны в первую очередь с показателями развития социального государства, способности контролировать коррупцию и экономического развития. Политическое участие получает распространение в том случае, когда деятельность властных институтов тесно связана с интересами широких слоев и подотчетна им.

В любой европейской стране обнаруживаются отчетливые политические неравенства, обусловленные неодинаковой на разных ярусах социальной иерархии доступностью ресурсов, разной мотивацией к политическому участию и связями человека с мобилизационными сетями и организациями. Политическая активность резко усиливается с ростом образовательного уровня, она выше у респондентов зрелого возраста по сравнению с молодежью и очень пожилыми людьми, вероятность участия в политике намного повышается у тех, кто ею интересуется и кто считает, что способен разобраться в ее перипетиях, а также в том случае, если человек связан с профсоюзами, идентифицирует себя с определенной политической партией или имеет ежедневный доступ к Интернету.

Традиционные идеологические размежевания, связанные с проблемами социальной справедливости и перераспределения доходов, не оказывают заметного воздействия на побуждение граждан к политическому действию. Таким стимулом в современной Европе выступают устремления к экологической безопасности, вопросы равенства гражданских прав — обеспечения равноправия женщин и сексуальных меньшинств, а также проблема иммиграции. Эти расслоения с наибольшей отчетливостью проявляются в развитых странах Европы — наиболее активны в политике представители нового среднего класса и младших поколений, выступающие в защиту культурного равенства и либерального подхода к вопросу иммиграции.

Общие европейские закономерности, выявленные в исследовании, позволяют прояснить ситуацию с развитием черт демократического гражданина в России. Факты говорят о широко распространенной в нашем обществе политической пассивности: преобладающее большинство в России вообще не предпринимает каких-либо политических действий (не считая редкого голосования на президентских и парламентских выборах), тогда как в устойчивых демократических режимах отчетливое большинство в политику, напротив, вовлечено. Главные причины этого — неразвитость в России социального государства при очень низком уровне жизни и неэффективность власти из-за повсеместной коррупции (по индексу общественного развития РФ занимает последнее место среди изучавшихся стран), лишаящие для многих наших сограждан смысла попытки вмешательства в политические дела.

Литература:

- Anderson, Christopher J. (2009). *Nested Citizens: Macropolitics and Microbehavior in Comparative Politics* // *Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure* / Ed. by Mark Irving Lichbach and Alan S. Zuckerman. New York: Cambridge University Press. P. 314-332.
- Anderson, Christopher J., and Russell J. Dalton (2011). *Nested Voters: Citizen Choices Embedded in Political Contexts* // *Citizens, Context, and Choice: How Context Shapes Citizens' Electoral Choices* / Ed. by Russell J. Dalton, and Christopher J. Anderson. New York: Oxford University Press. P. 241-256.
- Barnes, Samuel H., Barbara G. Farah, and Felix Heunks (1979). *Personal Dissatisfaction* // In: Samuel H. Barnes, Max Kaase, et al. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA: Sage. P. 381-407.
- Barnes, Samuel H., Max Kaase, et al. (1979). *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Burns, Nancy, Kay Lehman Schlozman, Sidney Verba (2001). *The Private Roots of Public Action: Gender, Equality, and Political Participation*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ceka, Besir (2013). *The Perils of Political Competition: Explaining Participation and Trust in Political Parties in Eastern Europe* //

- Comparative Political Studies*. Vol. 46 (12). P. 1610-1635.
- Coffer, Hilde (2013). *Gender and Political Participation in Western and Eastern Europe* // *Democracy in Transition: Political Participation in the European Union* / Ed. Kyriakos N. Demetriou. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag. P. 94-107.
- Dalton, Russell J., and Christopher J. Anderson, Eds. (2011). *Citizens, Context, and Choice: How Context Shapes Citizens' Electoral Choices*. New York: Oxford University Press.
- Dalton, Russell J., Alix van Sickle (2005). *The Resource, Structural, and Cultural Bases of Protest* // *CSD Working Papers, Center for the Study of Democracy, UC Irvine*. Permalink: <http://escholarship.org/uc/item/3jx2b911>
- Dalton, Russell, Alix van Sickle, and Steven Weldon (2010). *The Individual-Institutional Nexus of Protest Behaviour* // *British Journal of Political Science*. Vol. 40 (1). P. 51-73.
- Dolezal, Martin, and Swen Hutter (2012). *Participation and party choice: comparing the demand side of the new cleavage across arenas* // *Political Conflict in Western Europe* / Hanspeter Kriesi et al. New York: Cambridge University Press. P. 67-95.
- Dubrow, Joshua Kjerulf, Kazimierz M. Slomczynski, Irina Dubrow-Tomescu (2008). *Effects of Democracy and Inequality on Soft Political Protest in Europe: Exploring the European Social Survey Data* // *International Journal of Sociology*. Vol. 38 (3). P. 36-51.
- ESS Round 4: *European Social Survey Round 4 Data (2008)*. Data file edition 4.3. Norwegian Social Science Data Services, Norway — Data Archive and distributor of ESS data.
- Farah, Barbara G., Samuel H. Barnes, and Felix Heunks (1979). *Political Dissatisfaction* // In: Samuel H. Barnes, Max Kaase, et al. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA: Sage. P. 409-447.
- Gallego, Aina (2007-2008). *Unequal Political Participation in Europe* // *International Journal of Sociology*. Vol. 37 (4). P. 10-25.
- Hooghe, Marc, & Sofie Marien (2013). *A Comparative Analysis of the Relation between Political Trust and Forms of Political Participation in Europe* // *European Societies*. Vol. 15 (1). P. 131-152.
- Hutter, Swen, and Daniela Braun (2013). *Trust in Representative Democracy and Protest Behavior. A Multilevel Analysis of European Democracies* // *European University Institute Working Paper, Max Weber Programme 2013/14*. Fiesole: EUI.
- Inglehart, Ronald (1979). *Political Action: The Impact of Values, Cognitive Level, and Social Background* // In: Samuel H. Barnes, Max Kaase, et al. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA: Sage. P. 343-380.
- Jenkins, J. Craig, Michael Wallace, Andrew S. Fullerton (2008). *A Social Movement Society?* // *International Journal of Sociology*. Vol. 38 (3). P. 12-35.
- Jones, Bradford S. (2008). *Multilevel Models* // *The Oxford Handbook of Political Methodology* / Ed. by Janet M. Box-Steffensmeier, Henry E. Brady and David Collier. New York: Oxford University Press. P. 605-624.
- Kaase, Max (2010). *Democracy and Political Action* // *International Political Science Review*. Vol. 31 (5). P. 539-551.
- Kaase, Max, and Samuel H. Barnes (1979). *In Conclusion* // In: Samuel H. Barnes, Max Kaase, et al. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA: Sage. P. 523-536.
- Kittilson, Miki Caul (2007). *Research Resources in Comparative Political Behavior* // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by Russell J. Dalton and Hans-Dieter Klingemann. New York: Oxford University Press. P. 865-895.
- Klingemann, Hans-Dieter, Ed. (2009). *The Comparative Study of Electoral Systems*. New York: Oxford University Press.
- Klingemann, Hans-Dieter (2009a). *The Impact of Political Institutions: A Contribution of the "Comparative Study of Electoral Systems" (CSES) to Micro-Macro Theories of Political Attitude Formation and Voting Behavior* // *The Comparative Study of Electoral Systems* / Ed. by Hans-Dieter Klingemann. New York: Oxford University Press. P. 3-27.
- Kriesi, Hanspeter, Edgar Grande, Romain Lachat, Martin Dolezal, Simon Borschier, Timotheos Frey (2008). *West European Politics in the Age of Globalization*. New York: Cambridge University Press.
- Kriesi, Hanspeter, Edgar Grande, Martin Dolezal, Marc Helbling, Dominic Höglinger, Swen Hutter, Bruno Wüest (2012). *Political Conflict in Western Europe*. New York: Cambridge University Press.
- Lachat, Romain, and Martin Dolezal (2008). *Demand side: dealignment and realignment of the structural political potentials* // Hanspeter Kriesi, Edgar Grande, Romain Lachat, Martin Dolezal, Simon Borschier and Timotheos Frey (Eds.). *West European Politics in the Age of Globalization*. New York: Cambridge University Press. P. 237-266.
- Marien, Sofie, and Henrik Serup Christensen (2013). *Trust and Openness: Prerequisites for Democratic Engagement?* // *Democracy in Transition: Political Participation in the European Union* / Ed. Kyriakos N. Demetriou. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag. P. 109-134.
- Norris, Pippa (2002). *Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism*. New York: Cambridge University Press.
- Norris, Pippa (2007). *Political Activism: New Challenges, New Opportunities* // *The Oxford Handbook of Comparative Politics* / Edited by Carles Boix and Susan C. Stokes. New York: Oxford University Press. P. 628-649.

Quaranta, Mario (2013). The impact of institutional decentralization on protest in Western Europe // *International Political Science Review*. Vol. 34 (5). P. 502-518.

Raudenbush, Stephen W., and Anthony S. Bryk (2002). *Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Schlozman, Kay Lehman, Sidney Verba, Henry E. Brady (2012). *The Unheavenly Chorus: Unequal Political Voice and the Broken Promise of American Democracy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Smith, Michael L. (2009). The Inequality of Participation: Re-examining the Role of Social Stratification and Post-Communism on Political Participation in Europe // *Sociologický časopis / Czech Sociological Review*. Vol. 45. No. 3. P. 487-517.

Solt, Frederick (2008). Economic Inequality and Democratic Political Engagement // *American Journal of Political Science*. Vol. 52. No. 1. P. 48-60.

Stolle, Dietlind, Marc Hooghe (2011). Shifting Inequalities: Patterns of Exclusion and Inclusion in Emerging Forms of Political Participation // *European Societies*. Vol. 13 (1). P. 119-142.

Van Deth, Jan, Martin Elff (2000). Political Involvement and Apathy in Europe 1973 — 1998 // *Arbeitspapiere — Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung*. No. 33.

Van Deth, Jan W., Martin Elff (2001). Politicisation and Political Interest in Europe: A Multi-Level Approach // *Arbeitspapiere — Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung*. No. 36.

Van Deth, Jan W., & Martin Elff (2004). Politicisation, economic development and political interest in Europe // *European Journal of Political Research*. Vol. 43, Issue 3. P. 477-508.

Verba, Sidney, and Norman H. Nie (1972). *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. New York: Harper & Row.

Verba, Sidney, Norman H. Nie, and Jae-on Kim (1978). *Participation and Political Equality: A Seven Nation Comparison*. New York: Cambridge University Press.

Verba, Sidney, Kay Lehman Schlozman, Henry E. Brady (1995). *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Democracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Vrablikova, Katerina (2014). How Context Matters? Mobilization, Political Opportunity Structures, and Nonelectoral Political Participation in Old and New Democracies // *Comparative Political Studies*. Vol. 47 (2). P. 203-229.

Приложение

Показатели различий между ESS странами 2008 г.¹

1. СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

1.1 ВНД на душу населения
GNI per capita, PPP (current international \$), говорит об уровне экономического развития страны. (<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNPPCAPPPCD>)

1.2 Джини коэффициент
Gini coefficient of equivalised disposable income (Eurostat, SILC — основной источник, и другие данные). Свидетельствует о выраженности доходных неравенств в европейских странах. (<http://ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tessi190&plugin=0>).

1.3 Образование
Агрегированный показатель (по данным ESS опросов) — среднее для выборки число лет, в течение которых участники опросов обучались в формальных образовательных учреждениях (школах, колледжах, училищах, институтах, университетах и пр.)

1.4 Обеспеченный слой
Агрегированный показатель (по данным ESS опросов) — доля респондентов, указавших при ответе на вопрос "Какое из высказываний на этой карточке наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время?" [А. Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений, Б. Этого дохода нам в принципе хватает, В. Жить на такой доход довольно трудно, Г. Жить на такой доход очень трудно] вариант А.

1.5 Профессионалы
Агрегированный показатель (по данным ESS опросов) — доля опрошенных в стране, отметивших в качестве своего социально-профессионального статуса значения "профессионалы" или "специалисты" (ISCO-88, коды 2000 и 3000).

1.6 Этническая неоднородность
A. Alesina et al., Fractionalisation (Переменные 1.6 и 1.7 указывают на вероятность того, что два случайно выбранных человека не будут обладать определенной характеристикой — чем выше значение, тем меньше вероятность того, что они обладают этой характеристикой: Ethnic fractionalization (характеристика — принадлежность к одной этнической группе).

(http://www.hse.ru/jesda/mathbase/databases/db_24)

1.7 Религиозная неоднородность
A. Alesina et al., Fractionalisation: Religious fractionalization (характеристика — принадлежность к одной религиозной группе (http://www.hse.ru/jesda/mathbase/databases/db_24))

2. ОТКРЫТОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
2.1 Длительность демократии
Число лет между 1946 и 2008 г., в течение которых политический режим в стране был демократией — когда значения индекса, рассчитываемого в проекте Polity IV, составляли для нее от +6 до +10 (<http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>).

2.2 Демократические права и свободы
Voice and Accountability, Worldwide Governance Indicators, WGI, World Bank. Обобщенный индикатор неодинаковых в разных странах возможностей участия граждан в избрании властей, степени соблюдения в них свободы выражения мнений, свободы ассоциаций и независимости СМИ (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

2.3 Политическая конкуренция
T. Vanhanen, Political competition. Доля голосов, полученных партиями, исключая первую, на парламентских и / или президентских выборах.

(<http://www.fsduta.fi/en/data/catalogue/FSD1289/index.html>)
2.4 Фракционность правительства
T. Beck et al, Database of Political Institutions, Government Fractionalization. Вероятность того, что два случайно выбранных представителя правящих партий принадлежат к разным партиям.

(<http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/0,,contentMDK:20649465~pagePK:64214825~piPK:64214943~tHeSitePK:469382,00.html>)

2.5 Фракционность парламента
T. Beck et al, Database of Political Institutions, Total fractionalization. Вероятность того, что два случайно выбранных представителя легислатуры принадлежат к разным партиям.

(<http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/0,,contentMDK:20649465~pagePK:64214825~piPK:64214943~tHeSitePK:469382,00.html>)

2.6 Влиятельность парламента
M. S. Fish and M. Kroenig (The Handbook of National Legislatures: A Global Survey, 2009), Parliamentary Powers Index. Индекс, базирующийся на 32 дихотомических переменных, измеряет влияние парламента по отношению к исполнительной власти, его институциональную автономию и способность принимать решения, власть в определенных сферах.

2.7 Баланс ветвей власти
T. Beck et al, Database of Political Institutions, Checks Index — Checks and balances.

Показатель "сдержек и противовесов" равняется 1, если индекс политической конкуренции в легислатуре (или в исполнительной власти) меньше 6 (его значения от 1 — нет легислатуры до 6 — многие партии выигрывают места, но победившая получает более 75% мест, и 7 — победившая партия получает менее 75%). Когда индекс больше или равняется 6, показатель "сдержек" увеличивается на 1, если имеется глава исполнительной власти, еще на 1, если он конкурентно избирается, и еще на 1 — когда оппозиция контролирует легислатуру. В президентских системах, он увеличивается на 1 для каждой палаты легислатуры и еще на 1 для каждой партии, состоящей в союзе с партией президента и имеющей идеологическую ориентацию, близкую скорее к основной оппозиционной партии, чем к президентской. В парламентских системах к показателю "сдержек" прибавляется 1 для каждой партии, входящей в коалиционное правительство и необходимой для сохранения большинства, и для каждой партии в правительственной коалиции, позиция которой по экономическим вопросам ближе к самой крупной оппозиционной партии, чем к партии руководителя правительства.

(<http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/0,,contentMDK:20649465~pagePK:64214825~piPK:64214943~tHeSitePK:469382,00.html>)

2.8 Свобода прессы
Freedom House, Press freedom index. Индекс считается при сложении трех рейтинговых компонентов: оценок законов и инструкций, политического давления и контроля и экономического влияния. Шкала от 0 — наибольшая свобода до 100 — наименьшая свобода.

(<https://freedomhouse.org/search/freedom%20of%20the%20press#.VGYBPU0cTg>)

2.9 Расходы субнационального уровня
Доля государственных расходов, осуществляемых на субнациональном уровне, среди всех государственных расходов. Рассчитана по данным: Eurostat, Government revenue, expenditure and main aggregates

(http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=gov_a_main&lang=en). (Россия — Росстат, Российский статистический ежегодник

¹ Ряд показателей получен с помощью базы данных "Качество правления": Teorell, Jan, Nicholas Charron, Stefan Dahlberg, Soren Holmberg, Bo Rothstein, Petrus Sundin & Richard Svensson. 2013. The Quality of Government Dataset, version 20Dec13. University of Gothenburg: The Quality of Government Institute, <http://www.qog.pol.gu.se>

— 2009г.

http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/lssWWW.exe/Stg/html5/22-08.htm: доля расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ среди общих расходов федерального бюджета и консолидированных бюджетов субъектов РФ).

3. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

3.1 Контроль коррупции

Control of Corruption, WGI, World Bank. Композитный показатель, входящий в состав Worldwide Governance Indicators, говорит о способности общества и государства справиться с коррупцией (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

3.2 Соблюдение законности

Rule of Law, WGI, World Bank. Индикатор свидетельствует о доверии законам и об их соблюдении в стране — оценивает качество работы полиции и судов, меру соблюдения прав собственности и выполнения контрактных обязательств, вероятность преступления и насилия (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

3.3 Эффективность управления

Government Effectiveness, WGI, World Bank. Показатель позволяет судить о качестве работы государственных служащих и их независимости от политического давления, качестве услуг, оказываемых государством населению, о способности властей вырабатывать политические решения и проводить их в жизнь, приверженности принятому курсу (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

3.4 Вмешательство в экономику

J. Gwartney, R. Lawson, and J. Hall, Size of Government: Expenditures, Taxes, and Enterprises (Economic Freedom Dataset, Economic Freedom of the World). Значения индекса от 0 до 10 где 0 соответствует значительным общим расходам правительства, большим трансфертам, многочисленным государственным предприятиям, высоким ставкам и низким порогам налогообложения доходов, а 10 — низким правительственным расходам, маленьким трансфертам, ограниченному числу госпредприятий, низким ставкам и высоким порогам в налогообложении.

(http://www.freetheworld.com/datasets_efw.html)

3.5 Государственные расходы на здоровье

World Health Organization, Per capita government expenditure on health, PPP, international \$ (World Health Statistics 2011: 127-138, Table 7). Расходы правительства на поддержание здоровья, на душу по паритету покупательной способности. (http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/en/).

4. МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ

4.1 Членство в профсоюзах

Агрегированный показатель (по данным ESS опросов) — доля респондентов, указавших при проведении опросов, что они являются членами профсоюзов.

4.2 Развитие гражданского общества

M. Grimes, Civil Society Organizations per million inhabitants (The Quality of Government Institute: data on the number of civil society organizations from CIVICUS, a global network of civil society organizations active in the area of social and economic development). Организации гражданского общества на миллион населения. (<http://www.qog.pol.gu.se/publications/workingpapers/2008>)

4.3 Партийная идентификация

Агрегированный показатель (по данным ESS опросов) — доля респондентов в стране, сообщивших, что есть политическая партия, которая им очень близка или близка.

4.4 Доступность Интернета

Агрегированный показатель (по данным ESS опросов) — доля респондентов, имеющих ежедневный доступ к Интернету в личных целях.

5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

5.1 Демократические убеждения

L. Kerk, Economist Intelligence Unit, Democratic Political Culture. Индекс измеряет степень консенсуса в обществе относительно принципов демократии (1. Is there a sufficient degree of societal consensus and cohesion to underpin a stable, functioning democracy? 2. Perceptions of leadership; proportion of the population that desires a strong leader who bypasses parliament and elections. 3. Perceptions of military rule; proportion of the population that would prefer military. 4. Perceptions of rule by experts or technocratic government; proportion of the population that would prefer rule by experts or technocrats. 5. Perception of democracy and public order; proportion of the population that believes that democracies are not good at maintaining public order. 6. Perception of democracy and the economic system; proportion of the population that believes that democracy benefits economic performance. 7. Degree of popular support for democracy (% of people who agree that democracy is better than any other form of government). 8. There is a strong tradition of the separation of church and state). (http://www.economist.com/media/pdf/DEMOCRACY_INDEX_2007_v3.pdf)

5.2 Идеологическая идентификация

Агрегированный показатель (по данным ESS опросов) — доля респондентов, затруднившихся указать свою идеологическую позицию при ответе на вопрос: "Иногда, рассуждая о политике, люди говорят о 'левых' и 'правых'. Используя эту карточку, скажите, где Вы расположили бы себя на шкале? '0' означает 'левый', а '10' означает 'правый'".

5.3 Женщины в парламенте

Inter-Parliamentary Union, Women in National Parliament. Доля женщин в однопалатном парламенте или в нижней палате. (<http://www.ipu.org/wmn-e/world-arc.htm>)

5.4 Интерес в обществе к политике

Агрегированный показатель (по данным ESS опросов) — доля респондентов, которые, отвечая на вопрос "Насколько Вы интересуетесь политикой?", сообщили, что очень или в некоторой степени ею интересуются.

5.5 Доверие политическим и государственным институтам

Агрегированный показатель (по данным ESS опросов) — средние значения для стран индекса доверия государственным и политическим институтам (этот индекс — усредненные оценки доверия индивида 1) парламенту своей страны, 2) ее судебной-правовой системе, 3) политическим партиям, 4) политикам и 5) полиции, измеренного с помощью шкал от "0" — совершенно не доверяю до "10" — полностью доверяю).